

ЛИНГВИСТИКА

УДК 81.37

ОБРАЗЫ СОЦИУМА В МОТИВАЦИОННОЙ СЕМАНТИКЕ
ЛЕНИ И ТРУДОЛЮБИЯ*

М. А. Еремина

Уральский государственный университет путей сообщения
Российский государственный профессионально-педагогический университет
кафедра иностранных языков и межкультурных коммуникаций

В статье рассматривается мотивационная семантика поля «Отношение человека к труду» с целью систематизации номинативных фактов, внутренняя форма которых отсылает к различным социальным феноменам. Утверждается, что языковая характеристика лентяя связана с ситуациями социального взаимодействия, а типичная оценка трудолюбивого человека основывается в большей мере на его статусе среди других работников.

Ключевые слова: семантика, мотивационная семантика, мотивационная модель, лексико-семантическое поле, лень, трудолюбие.

Независимо от того, нацелена трудовая деятельность на коллективный или индивидуальный результат, она является частью социализации любого члена общества. В связи с этим, человек, который с охотой участвует в работе или, наоборот, уклоняется от нее, подвергается оценке через призму социальных норм, ценностей и стереотипов. Наиболее значимые для общественного сознания оценочные смыслы маркируются посредством лексических единиц семантического поля «Отношение человека к труду», реализующего идеи лени/праздности и трудолюбия.

Социальные аспекты характеристики лентяев и хороших работников представлены на разных уровнях семантики поля. На уровне денотативной семантики они закрепляются в идеограммах, отражающих ситуации взаимодействия людей, ср. 'приохотить к делу, работе, научить', 'передовой работник', 'тот, который опережает других в работе', 'тот, кто постоянно помогает, всегда вместе на работе', 'уклоняться от работы' (глагол *уклоняться* содержит в своем значении нормативную сему 'перестать придерживаться чего-л., отклониться, отойти от чего-л. правильного'). Лексическая коннотация единиц поля служит способом выражения общественного мнения в отношении лентяев и тружеников [6, с. 79]. Наконец, внутренняя форма лексем и фразеологических выражений хранит в себе различные образы социума, репрезентирующие социокультурные представления, установки и стереотипы.

Именно уровень мотивационной семантики указанного поля будет выделен в качестве объекта рассмотрения в данной работе. Цель исследования – систематизация номинативных фактов с семантикой лени и трудолюбия, внутренняя форма которых отсылает к различным социальным феноменам: социальным группам, от-

* Исследование выполнено за счет средств гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-02075 «Русский социум в зеркале лексической семантики») / The study is supported by Russian Science Foundation (project No. 16-18-02075 "Russian Society in the Mirror of Lexical Semantics").

ношениям между индивидами, нормам, ценностям, стереотипам. Образы социума, положенные в основание оценочных характеристик человека по его деловым качествам, транслируют наивно-языковые знания носителей традиционного сознания как о труде, так и о самом обществе.

Полную картину номинаций по данному признаку можно увидеть при включении в языковой материал помимо фактов литературного языка еще и большого пласта диалектной лексики. Это обусловило обращение при сборе лексико-фразеологического материала к словарям как современного русского языка, так и русских народных говоров, а также к лексической картотеке топонимической экспедиции Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина.

Выявленные в результате мотивационного анализа признаки, связывающие социальную лексику и лексику, характеризующую отношение к труду, мы представим в виде двух наборов семантико-мотивационных моделей, соотносящихся с субполями «Отрицательное отношение человека к труду» (1) и «Положительное отношение человека к труду» (2).

1. Быть лентяем – в глазах членов социума значит проявлять несговорчивость, неуступчивость, т.е. нарушать в самом общем смысле нормы социального взаимодействия. Эту оценку реализуют единицы, чья внутренняя форма отражает асоциальную направленность поступков лентяя: *опрóтивень* ‘упрямый ленивец’ [12, с. 225], *настырный* ‘ленивый’ (кубан.) [15, с. 203] (ср. *настырный* ‘дерзкий, наглый, бесстыжий’, *настырничать*, ‘бесстыдничать, нахальничать’ (тул, кур., орл.) [5, с. 1244]).

В ответ на подобное поведение общество отказывает лентяю в праве быть принятым в свои ряды, отражая данную установку в лексических единицах, построенных на базе семантики отверженности: *ганява* ‘шатающийся без дела человек (обычно о женщине)’ (нижегор.) [15, с. 137], *клятина* ‘подлец, негодяй, лентяйка’ (свердл.) [Там же, с. 336], *клять* ‘о ленивом человеке’ (перм., свердл.) [Там же], *отшельник* ‘человек, отлынивающий от работы’ (*Што ты его просишь, отшельника такоого*) [8].

Но даже при имеющейся возможности принять участие в труде лентяй стремится избежать этого путем обмана и плутовства. Об этом свидетельствует блок номинаций ситуации безделья, который связан словопроизводственными отношениями с единицами, объединенных мотивом обмана: *непράвдошный* ‘поступающий несправедливо, отлынивающий от работы’ (яросл.) [15, с. 124], *плутяжной* ‘склонный к лени, праздности’ [7], *примулында* ‘человек, который ленится, уклоняется от работы, хитрит’ (забайк.) [15, с. 301], *примулындывать* ‘прикидываться, хитрить, отлынивать от работы’ (вят., сиб.) [Там же] (ср. *мулындаь* ‘обманывать, запутать кого-либо’ [5, с. 358]), *мытáрить* ‘бездельничать’ (яросл.) [15, с. 64] (ср. *мытáрить* ‘плутовать, обманывать’ [Там же, с. 64]), *мухлítь* ‘делать что-либо небрежно, как попало’ (твер.) [Там же, с. 37] (ср. *мухлítь* ‘хитрить, лукавить’ (твер.) [Там же]), *прошалбёрничать* ‘прослоняться, пробездельничать’ (урал.) [Там же, с. 45], *шалбёр*, *шалбёрник* ‘праздношатающийся’ [5, с. 237] (ср. блр. *шалбер* ‘мошенник, обманщик’, которое является заимствованием польского *szalbierz* ‘мошенник, обманщик’ [16, с. 397]), *алыр*, *алырь*, *алыра*, *алыря* ‘фокусник, обманщик, плут, мошенник, бездельник, перекупщик’ (орл., костром., волог., пск., твер., сарат., влад., костром.) [15, с. 243], *алырить* ‘бездельничать, лениться’ (вят., нижегор., уфим., симб., перм. и др.) [Там же], *алырничать* ‘бездельничать, лениться’ [13, с. 9] в силу происхождения

из тат. *alyr* ‘разбойничий’ [16, с. 23]). К идее обмана, плутовства, а затем к значению ‘ленивый человек’, приводит также семантическое развитие в рамках этимолого-словообразовательного гнезда праславянского корня **var-*, ср. семантическую реконструкцию Н.В. Галиновой: ‘вертеть’ → ‘делать беспорядочные движения’ → ‘быть проворным’ → ‘умелый, смекалистый’ → ‘плут, обманщик’ [4, с. 11] → ‘ленивый человек, бездельник’: *варлыга* ‘ленивый человек, лентяй (-ка)’ (вят., твер., барнаул.) [15, с. 55], *вор* ‘плут, обманщик, бездельник’ (арх., калуж.) [Там же, с. 97].

Следующая модель, оформленная при помощи глаголов, построена на стереотипе о том, что выбрав вместо общественно-полезного труда любую другую деятельность, человек выглядит в глазах окружающих странным, диким, непонятным, чужим, ср. *очужаться* ‘уклоняться от работы, отлынивать’ [8], *подичать* ‘подурчиться, побездельничать’ (сев.-двин.) [15, с. 25], *странить* ‘шляться, шататься праздну, не делать, не работать, бродить по сторонам, зевать’ (вят.) [5, с. 335], *истраниться* ‘стать очень неряшливым и ленивым’ (вят.) [15, с. 252] (ср. *странь* ‘чужой, странный человек; чудак, нелюдим; шатун, негодяй; дикой, малоумный’ (перм., вят., арх.) [5, с. 355]).

Отдельная модель реализуется с использованием наименований представителей другого этноса путем вычленения в негативном образе чужака признаков, релевантных для характеристики лентяя. Так, основанием для появления лексемы *кацан* ‘о бродяге-бездельнике’ (арх.) [15, с. 140] послужило значение ‘переселенец из средней части Росси в южные области’ [Там же] и, соответственно, отрицательная оценка оторванности от места проживания.

Распространенная на территории Русского Севера лексема *лопáрь* ‘лентяй, бездельник’ [Там же, с. 131] соотносится с наименованиями северных народностей, ср. *лопарь* ‘ненец’ [Там же], *лопарí* ‘старое название саами’ [11, с. 116] (из шв. *lappar* ‘саамы’ от фин. *Lappi* ‘Лапландия’ [16, с. 518]). Не исключено, что поводом для уличения в безделье послужили исконные занятия народов Севера – оленеводство, охотничий промысел, собирательство, воспринятые сознанием крестьянина-земледельца как ненастоящая деятельность.

Мотивационную модель ‘лентяй’ ← ‘представитель чужого этноса’ поддерживает также лексема *макиán* ‘нерасторопный, ленивый человек’ (олон.) [15, с. 316]. М. Фасмер фиксирует эту лексему со значением ‘неповоротливый человек, ленивая кляча’ и производит ее от *мо́кша*, названия части мордовского народа [16, с. 640].

Стереотипное представление об образе жизни привилегированных в до-революционной России слоев привело к появлению целого ряда вторичных номинаций с семантикой безделья, ср.: *ба́р* ‘барин, лентяй’ [8], *ба́рина* ‘избалованная, любящая безделье, в достатке живущая женщина’ [Там же], *как ба́рун* ‘бездельник, барин’ [Там же], *ба́рынок* ‘лентяй, бездельник’ [Там же], *баровать* ‘бездельничать’ [15, с. 66], *ба́рничать* ‘бездельничать, отдыхать’ [13, с. 16], *ба́рыньку игра́ть* ‘ничего не делать барствовать’ [15, с. 93], *дворяни́ться* ‘строить из себя дворянина, барствовать, бездельничать’ (петерб., тул.) [Там же, с. 302], *па́ниться* ‘жить ничего не делая, не работая’ (смол.) [Там же, с. 195]. В языковом портрете представителя привилегированного класса основными штрихами являются довольство жизнью, избалованность, отсутствие забот и чувство собственного превосходства. Как можно заметить, образ не ограничивается социальным статусом и затрагивает определенные стороны личности. Это явилось основанием для закрепления в языке и в культуре в целом, особого типа безделья и праздности – барственной лени.

Похожую модель представляет семантический перенос *дама* ‘городская женщина’ [2, с. 259] → *да́ма* ‘о девушке, женщине, которая уклоняется от труда’ [Там же]. Очевидно, что городская жизнь, далекая от крестьянских забот, представлялась лишенной настоящего труда.

Возможность вести праздный образ жизни человек получал не только в силу своего социального статуса, но также в ситуации чрезмерного внимания и заботы окружающих, ср. номинации, образованные от глаголов со значением ‘баловать, нежить, лелеять’: *баловно́й* ‘ленивый’ [12, с. 36], *полелю́й* ‘лентяй’ [8], *полелю́йничать* ‘бездельничать’ [Там же], *бажа́ный*, *баже́ный* ‘праздный, не занятый никаким делом’ (яросл.) [15, с. 45], *дро́читься* ‘сибаритничать’ [5, с. 495], *тро́читься* ‘бездельничать’ [8], *изнабазу́литься* ‘избаловаться, стать капризным, облениться’ [13, с. 201].

В целом, социальная семантика в образной номинации человека, не желающего трудиться, формируется двумя основными способами. Во-первых, посредством культурной оппозиции «свой – чужой», которая определяет лентяя как чужого в разных отношениях. Во-вторых, при концептуализации идеи лени/праздности задействуются социальные нормы, содержание которых предписывает, в частности, строгое воспитание, прикрепленность к месту проживания, занятость земледельческим трудом, осуждение неумения ладить с людьми, а также притворства, обмана, плутовства.

2. Социальная тема в мотивационной семантике единиц поля «Положительное отношение к труду» развивается в следующих направлениях.

Совместная работа, целью которой была помощь одному из членов общины, являлась социальной нормой в русской деревне, о чем свидетельствует существование идеограмм: ‘участники коллективной помощи’ (*помочане*), ‘коллективная помощь при жатве’ (*отжинка*, *пожатуха*), ‘коллективная помощь при молотье’ (*молотяги*, *отмолот*) и др. [10, с. 245]. Ситуация, когда при выполнении общей работы между участниками устанавливалось эффективное и бесконфликтное взаимодействие, безусловно, оценивалась положительно, ср. *верёвочка* ‘о дружной, хорошо удающейся работе’ (*Раньше-то, как по верёвочке, работа шла, не было спору, ничего, дружно было*) [12, с. 173]. Именно в этом нормативно-ценностном контексте появились номинации, отмечающие такие качества хорошего работника, как дружелюбие, умение договариваться, безотказность, готовность прийти на помощь, ср.: *друзяка* ‘усердный в работе, трудолюбивый человек’ (курск., южн., калуж.) [15, с. 220], *ладовитый* ‘хозяйственный, деятельный’ [12, с. 90] (ср. *ладовитый* ‘такой, который живет с другими дружно, в согласии’ [Там же]), *безответник* ‘трудолюбивый, скромный, послушный человек’ (калуж.) [15, с. 196], *как топор за поясом* ‘тот, кто постоянно помогает, всегда вместе на работе’ (*У него мальчонка, как топор за поясом, всегда помогает*) [Там же, с. 49].

Думается, что от подобных же «коллективистских» установок отталкивается и сниженная, с оттенком иронии, оценка, заключенная в номинации *кикимора* ‘о тихом, скромном, трудолюбивом человеке’ (волог.) [Там же, с. 204]. Она появляется на основе мифологического представления о кикиморе, домашнем злом духе, образ которого мотивирует обозначение нелюдимого человека, домоседа, ср. *кикимора* ‘о человеке, который все время сидит дома за работой, особенно за прядением, домосед, нелюдим’ (вят.) [Там же]. Экспрессию создает столкновение социальной нормы общительности и трудовой нормы увлеченности делом.

При другом подходе к семантической теме коллективный труд видится как арена для соперничества между работниками. В этом случае на первый план вы-

ходят такие деловые качества, как инициативность, нацеленность на успех, желание превосходить остальных, ср.: *передовой* ‘наиболее инициативный, успешный в работе, превосходящий других’ [12, с. 441], *передовица* ‘та, которая опережает других в работе’ [Там же], *передовка, передовийка, передовуха, передовицица* ‘работница, достигшая наибольших успехов в труде, ударница’ (*Хорошая работница, старается, ее называют передовийкой*) (моск.) [15, с. 89], *выдвижбонец* ‘передовой работник’ [2, с. 180].

«Натуральный ряд чисел лежит в основе шкалы приоритетов, объединяющей материальные и духовные блага, социальный престиж и другие ценности» [1, с. 65]. Именно по такого рода шкале оценивается человек в номинациях *первушной* ‘самый усердный в работе’ [13, с. 126], *впервых* ‘лучше других, опережая других в каком-нибудь деле’ (*Я работала всегда впервых, а не впоследствии*) [2, с. 140]. Признак ‘первый, находящийся впереди’ входит в оппозицию *первый – последний*, которая реализуется с учетом идеограммы ‘приехавший последним’, выражаемой, в частности, лексемой *килун* (*А хто задний, тот все говорят: «О, этот килун!»*) [3, с. 174].

Связь высокого социального статуса и деловой активности отражена в метафорической номинации *воевода* ‘бойкий, проворный в работе человек’ (смол.) [15, с. 354] (ср. *воевода* ‘в свадебных обрядах – самое почетное лицо из свиты жениха’ [там же]).

Внутренняя форма фразеологизма *биться как печенег (об зелье)* ‘трудиться без усталости, беспрестанно’ [14, с. 11], который содержит наименование устраивавших набеги на русские города тюркских племен, отсылает к мусульманской традиции совершения молитвы. Выбор образа религиозного ритуала для номинации усердного труда, на наш взгляд, мотивирован экспрессивно-образной актуализацией признака «повторять действие множество раз». Вместе с тем, свою роль в появлении номинации сыграл мотив чуждости, характеризующий слишком усердного работника, который настолько поглощен делом, что выпадает из социальной жизни. ср. также *дикий* ‘работящий, проворный, расторопный’ (новг.) [15, с. 56]).

Таким образом, как показывает мотивационный анализ единиц поля «Положительное отношение к труду», социальная норма одобряет стремление к трудовым достижениям в рамках гласного или негласного соревнования между работниками, но не приемлет чрезмерные трудовые усилия, обособляющие работающего человека от других членов общества.

В качестве вывода отметим, что описанная выше семантико-мотивационная модель «социум – отношение к труду» имеет бóльшую значимость для реализации идеи лени, что подразумевает количественную представленность и разнообразие мотивации. Существует и когнитивное различие в концептуализации лени и трудолюбия с помощью образов социума. Оно заключается в том, что характеристика лентяя в социальном аспекте, как правило, связана с ситуациями социального взаимодействия: «лентяй – тот, кого балуют / кто обманывает / кого изгоняют»; а типичная оценка трудолюбивого человека основывается в большей мере на статусе среди других работников: «труженик – тот, кто первый / находится впереди / имеет высокий статус / обособлен от других».

Список литературы

1. Арутюнова Н.Д. О новом, первом и последнем // Логический анализ языка. Язык и время. М.: Наука, 1997. С. 193–198.

2. Архангельский областной словарь / под ред. О. Г. Гецово́й. Вып. 1–15. М. : Моск. гос. ун-т, 1980–2013 (Издание продолжается).
3. Востриков О. В. Традиционная культура Урала. Опыт этноидеографического словаря русских говоров Свердловской области. Вып. 1. Народный календарь. Екатеринбург, 2000. 254 с.
4. Галинова Н. В. Дериваты со значениями ‘гнуть’, ‘вертеть’ в говорах Русского Севера // Русская диалектная этимология: тез. докл. и сообщ. третьего научного совещания. Екатеринбург : Урал. гос. ун-т, 2000. С. 10–12.
5. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М., 1998.
6. Еремина М. А. Лексические способы выражения оценки в рамках семантического поля (на материале семантического поля «Лень/праздность» в русских говорах) // Ономастика и диалектная лексика : сб. научных трудов. Вып. 4. Екатеринбург, 2003. С. 77–85.
7. Картотека диалектного этноидеографического словаря (хранится в Свердловском Областном Доме Фольклора, Екатеринбург).
8. Картотека Словаря говоров Русского Севера (хранится на кафедре русского языка и общего языкознания Уральского федерального университета, Екатеринбург).
9. Лексическая картотека топонимической экспедиции Уральского федерального университета (хранится на кафедре русского языка и общего языкознания УрФУ, Екатеринбург).
10. Леонтьева Т. В. Модели и сферы репрезентации социально-регулятивной семантики в русской языковой традиции : дис. ... докт. филол. наук : 10.02.01 / Т. В. Леонтьева ; Уральский федер. ун-т. Екатеринбург, 2015. 427 с.
11. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1997. 944 с.
12. Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей: в 6 вып. / гл. ред. А. С. Герд. СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1994–2005.
13. Словарь русских говоров Среднего Урала : в 7 т. Свердловск : Среднеурал. кн. изд-во; Изд-во Урал. ун-та, 1964–1987.
14. Словарь русских донских говоров : в 3 т. Ростов-на-Дону, 1975–1976.
15. Словарь русских народных говоров : в 44 т. / под ред. Ф. П. Филина, Ф. П. Сороколетова, С. А. Мызникова. М. ; Л. ; СПб. : Наука, 1965–2011.
16. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. М. : Прогресс, 1986–1987.

IMAGES OF THE SOCIUM IN THE MOTIVATION SEMANTICS OF LAZINESS AND DILIGENCE TRADITION

M. A. Eremina

Ural State University of Railway Transport
Russian State Vocational Pedagogical University
the Department of Foreign Languages and Intercultural Communication

The article considers the motivational semantics of the field “The attitude of man to work” with the aim of systematizing nominative facts, the internal form of which refers to various social phenomena. As a conclusion, it is asserted that the idler characteri-

zation is related to the situations of social interaction, and the typical evaluation of a hardworking person is based more on the status among other workers.

Keywords: *semantics, motivational semantics, motivational model, lexico-semantic field, laziness, diligence.*

Об авторах:

ЕРЕМИНА Марина Артуровна – доцент кафедры иностранных языков и межкультурных коммуникаций Уральского государственного университета путей сообщения (620034, Екатеринбург, ул. Колмогорова, 66), e-mail: marina_makridina@mail.ru.

About the author:

YEREMINA Marina Arturovna – Associate Professor at the Department of Foreign Languages and Intercultural Communication, Ural State University of Railway Transport (620034, Yekaterinburg, Kolmogorova str., 66), e-mail: marina_makridina@mail.ru.